

Заметный успех

Второе мая стало днём возвращения учеников в стены училища.

Едва переступив порог и забросив узлы с вещами в жилые комнаты, школяры гурьбой припустили к башне Дэнцюзэ, чтобы поскорее отыскать свои имена в списках.

— Обошлось, хвала небесам! — сокрушённо вздохнул Чжан Вэньхай, хотя в глазах его читалось облегчение. — Пусть я и в самом конце, но всё же удержался в классе «Цзя». Кабы скатился в «И» — пиши пропало.

— И что бы с того? — усмехнулся стоявший рядом ученик. — С твоим-то достатком неужто ты так печёшься о тех нескольких грошах казённого пособия?

— Да что ты согласишься! — Вэньхай закатил глаза. — В классе «И» наставники дают совсем иное. Как бы я тогда обменивался знаниями с братом Чу и остальными? Только рядом с ними я по-настоящему преуспеваю в учёбе!

Собеседник лишь рот открыл от такой обезоруживающей прямоты, не найдя, что возразить.

Верхнюю строчку списка по-прежнему занимал Чу Цы. Вторым шёл Чэнь Цзыфан, Цзян Хуай поднялся на третье место, а Фан Цзиньян замкнул четвёрку лидеров. Слава их учебного общества гремела на всё училище, затмевая прочие кружки и союзы.

— Раньше во главе всегда стоял брат Ци, — печально обронил один из студентов, глядя на список. — Ещё в прошлом месяце он был третьим, а теперь и след его простыл. Как же всё переменчиво в этом мире...

— Ты всё ещё зовёшь его «братом»? — с нескрывтой брезгливостью отозвался другой. — Совершив столь гнусные дела, он напрочь забыл о чести книжника. Подумать только: вытащить грязные козни из внутренних покоев на всеобщее обозрение! Омерзительно. Теперь инспектор по образованию и начальник области приговорили его к ссылке. Мы его больше никогда не увидим, а жаль — я бы не упустил случая высказать ему в лицо всё своё презрение!

Чу Цы, проходивший мимо, лишь сокрушённо покачал головой. Эти двое: один — притворный праведник, другой — истинный подлец. Он прекрасно помнил, как оба заискивали перед Ци Сюем в дни его величия. Теперь же один картинно скорбел, пряча внутри злорадство, а другой изливал яд, словно Ци Сюй был его заклятым врагом.

Вскоре над училищем поплыл мерный гул большого колокола, доносившийся со стороны задней горы. Ученики, повинувшись привычке, дружно направились туда, ожидая наставлений от

главы академии.

К их удивлению, глава академии Кун не стал тратить время на нравоучения. По его знаку слуги вынесли два десятка бамбуковых корзин. Наставник велел школярам разбиться на пятёрки, взять по корзине и отправляться в рощу собирать персики.

Поначалу послышался недовольный ропот: иные книжники сочли за унижение трудиться наравне с чёрным людом. Однако стоило им взяться за дело, как ропот стих. Оказалось, что сладостный вкус плодов, собранных собственными руками, дарит удивительное чувство полноты жизни.

Но настоящий восторг охватил их позже, когда он велел всем выстроиться в очередь и раздал собранный урожай самим ученикам. Для тех, кто утром сокрушался из-за оценок, этот неожиданный дар стал лучшим утешением.

— Наверняка глава заметил наше уныние и решил подбодрить! — шептались студенты. — Раз он так верит в нас, мы не должны его разочаровать!

Прежде такого в училище не бывало. Растроганные заботой, студенты в едином порыве решили, что просто не имеют права подвести своего наставника.

В последующие дни усердие в классах достигло небывалых высот. Глава академии Кун, глядя на это, пребывал в радостном недоумении, не понимая, отчего боевой дух юношей так внезапно окреп.

Он знал лишь одно: теперь в персиковой роще не останется гнилых плодов, и, прогуливаясь там, он больше не рискует испачкать туфли.

Когда Чу Цы принёс свои сочинения по «Четверокнижию» учителю Циню, тот, внимательно изучив работы, одобрительно кивнул. Стиль Чу Цы обрёл нужную силу и точность; если на провинциальном экзамене он не допустит досадных оплошностей, то наверняка окажется в списке избранных.

На провинциальном испытании самым важным считался первый день и первый вопрос. Как правило, тема бралась из классических канонов, но требовала умения иносказательно, через древние мудрости, рассуждать о делах насущных. Без связи с текущим временем даже самое изысканное сочинение оставалось лишь пустой оболочкой, лишённой жизни.

Благодаря знаниям из прошлой жизни Чу Цы видел глубже многих, однако в тонкостях нынешней политики он всё ещё плавал. Спасало то самое заведение в переулке Ивового листа: раз в четыре дня там рассказывали о последних вестях и переменах в государстве.

Увы, строгий устав училища не позволял ученикам отлучаться без веской причины, а уж массовые прогулы и вовсе были немислимы.

Но на всякую хитрость находилась иная: умельцы из городских академий быстро сообразили, в чём нуждаются школяры. Они записывали каждое слово Чу Цы в трактире и продавали эти записи у ворот училища. Тонкая книжица всего в несколько листов стоила целых пятьдесят монет.

Бедные студенты обычно скидывались и покупали один экземпляр на всех. Впрочем, в уездном училище, если не считать прежнего Чу Цы, истинных бедняков почти не водилось. Местная «бедность» чаще означала лишь то, что деньги были потрачены на иные нужды, и теперь приходилось экономить на мелочах.

Юноша тоже считал цену завышенной, но не пропускал ни одного выпуска. Не знать новостей — значит отстать от времени, а для того, кто метит в государственные мужи, потеря политической чуткости была смерти подобна.

В своей прежней жизни он тоже выписывал множество изданий, будь то «Еженедельник Феникс», «Беседы раз в полмесяца» или «Окно южного ветра», и никогда не оставлял их без внимания.

Вернувшись в комнату со свежим выпуском «вестей», Чу Цы погрузился в чтение. Он не просто читал, но тут же делал пометки, записывая свои мысли и подбирая к каждому событию соответствующие цитаты из «Четверокнижия».

Вечером «Учебное общество Юаньшань» вновь открыло свои двери. К восьмерым основателям примкнули ещё несколько человек, чьи таланты и нрав прошли строгую проверку. Людей вспыльчивых или язвительных в свои ряды не принимали — такие не умели держать язык за зубами и могли легко выдать чужие секреты.

На каменном столе лежали те самые листки с новостями. По правилу, заведённому Чу Цы, каждый участник должен был представить свои размышления, записанные на полях.

Чу Цы, как глава общества, направлял беседу, помогая отделять зёрна от плевел. Когда же один из учеников свёл всё воедино, оказалось, что краткие строки новостей разрослись до внушительной стопки листов, наполненных глубоким смыслом.

Эту книгу раздумий по обычаю хранил у себя заместитель главы. Любой участник мог взять её, чтобы переписать для себя. Иногда заходили и другие студенты с просьбой взглянуть на записи. Посовещавшись, члены общества решили не отказывать.

В мире чиновников невозможно добиться успеха в одиночку. Если за спиной нет верных товарищей, готовых подставить плечо, путь твой будет короток. Даже если по воле случая ты вознесёшься высоко, это будет лишь мимолётным блеском.

Он, как и его друзья, не желал быть «цветком на час». А значит, не стоило пренебрегать узами, зародившимися ещё в ученичестве. В будущем всё может измениться: даже если твой сокурсник станет лишь мелким писцом, кто знает — не придётся ли тебе однажды просить его о помощи?

В изучении же основной дисциплины юноша и вовсе продвигался семимильными шагами.

Его острый ум и небывалое усердие в сочетании с наставлениями учителя Сюя давали поразительные плоды. Прошло немногим больше месяца, а он уже не уступал тем, кто изучал «Вёсны и осени» год или два.

Учитель Сюй порой ловил себя на мысли:

«Будь мы с Чу Цы ровесниками и окажись на одном экзамене, ещё неизвестно, досталось бы звание цзеюаня мне самому. Скорость, с которой юноша впитывает знания, поистине пугающая!»

Сам же Чу Цы не замечал в своём успехе ничего необычного. Ему лишь казалось, что в последнее время темы сочинений стали раскрываться перед ним куда быстрее, а брань наставника в его адрес звучала всё реже и реже.

<http://bllate.org/book/15354/1437459>